

Михаил Антонович Алпатов

СИБИРСКИЙ ЖУРНАЛ — СОВРЕМЕННОК ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Французский ежегодник 1961

М.: Наука. 1962. С.109-123

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Русскими провинциальными журналами XVIII в. в исследовательском плане интересовались главным образом краеведы, дорожившие доброй славой своего родного города или края; некоторые сведения о них можно найти у литературоведов¹. В трудах же по истории русской журналистики они обычно лишь упоминаются или о них даются справки библиографического характера. Достаточно сказать, что даже в наиболее капитальном советском труде — «Очерки по истории русской журналистики и критики» провинциальные журналы упомянуты лишь в сноске². Только упомянуты они и в специальной монографии П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века», но с той разницей, что автор был вынужден попутно поинтересоваться тобольским журналом «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»³.

Такое отношение к русской провинциальной журналистике XVIII в. имеет свои причины. Чтобы сосчитать русские провинциальные журналы того времени, хватит пальцев одной руки: ярославский «Уединенный пешехонец» (1786) и его продолжение «Ежемесячные сочинения» (1787), «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789—1791) и его продолжение «Библиотека ученая, экономическая, правоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателям» (1793—1794) в Тобольске — вот все, что вышло тогда в свет. Таким образом, на всю огромную Россию всего лишь в двух провинциальных городах вышло несколько журналов, существовавших от одного года до двух лет. Естественно, что подобное спорадическое явление не могло определить лицо русской провинциальной журналистики своего времени, не могло играть сколько-нибудь существенной роли в русской журнальной жизни.

¹ См. Л. Н. Трефолов. Первый русский провинциальный журнал «Уединенный пешехонец» — «Русский архив», 1879, № 3; его же. Заметка о первом провинциальном журнале «Уединенный пешехонец». Ярославль, 1882; И. Г. Ингоземцев. «Уединенный пешехонец» (первый областной журнал). — «Антиквар», 1903, № 1—4; Б. И. Коплан. Первый краеведческий провинциальный журнал. — «Краеведение», 1924, № 4; А. И. Дмитриев-Мамонов. Начало печати в Сибири. Омск, 1891; П. К. Пиксанов. Два века русской литературы. Изд. 2, М., 1924, стр. 41.

² «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. 1. М., 1950, стр. 83.

³ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, стр. 312—313, 538—539.

И тем не менее русские провинциальные журналы XVIII в. оставили свой след и в истории русской общественной мысли, и в историографии. Они дошли до нас свидетелями-очевидцами современной им политической общественной и культурной жизни на российской периферии. Они не только рассказывают нам о верноподданничестве и барской амбиции екатерининского провинциального дворянства, но доносят на своих страницах думы и чаяния передовых русских людей той поры. В последние годы они стали привлекать внимание советских исследователей. М. М. Штранге в своей книге о русском обществе и французской революции использует отзывы тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» о конституции 1791 г.⁴ Наш народный артист и книголюб Н. П. Смирнов-Сокольский рассказал о первенцах русской провинциальной журналистики много интересного в своем труде «Рассказы о книгах»⁵.

Среди журналов, издававшихся в русской провинции XVIII в., первое место, бесспорно, принадлежит сибирскому журналу с несколько претенциозным названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Это был первый журнал в Сибири и единственный провинциальный журнал в России, современник первых лет французской буржуазной революции конца XVIII в.⁶, так как ярославский журнал к этому времени уже не выходил. Но главное, что определило его значение, была пропаганда идей французского Просвещения. При всей непоследовательности и противоречивости, присущих журналу, при всех дифирамбах Екатерине, что являлось неизбежной данью времени и вменялось в обязанность журналу, издававшемуся на средства Тобольского приказа общественного призрения и находившемуся под покровительством тобольского наместника, «Иртыш», по мере своих сил и насколько позволяли тогдашние условия (о революции, как и о Просвещении, нельзя было говорить что-либо положительное), настойчиво распространял «французские» идеи. Этим «Иртыш» существенным образом отличался от ярославского верноподданнического издания.

Естественно возникает вопрос, чем объяснить подобное явление в период усиливавшейся реакции в екатерининской России в годы, когда уже началась французская революция? Оно было порождено рядом благоприятных и притом самых разнообразных условий, сложившихся тогда в Тобольске. Обращает на себя внимание одно примечательное обстоятельство: на один и тот же 1789 г. приходится три крупных события в культурной жизни Тобольска: открытие народного училища (они открывались по всей Сибири), издание журнала и открытие типографии (первой в Сибири). Это наводит на мысль, что все эти события были связаны между собой и что толчком к этому культурному движению послужило, видимо, открытие народного училища. Собранный здесь кружок учителей народного училища, по всему вероятно, и составил первоначальное ядро авторов журнала. Учителя училища В. Прудковский, Т. Воскресенский, И. Лафинов и И. Набережнин были наиболее активными из местных авторов. Не кто другой, как они, привлекли к участию в журнале учеников народного училища и духовной семинарии, из которых вышел И. Трунин. Совершенно не случайно поэтому «Иртыш» был создан именно при народном училище. Вокруг училища, вокруг журнала стала группироваться местная интеллигенция. Д. Дягилев, Н. Смирнов, А. Евсеев, И. Иванов и другие были чиновниками или военными. Иными словами, журнал объединил

⁴ М. М. Штранге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 104.

⁵ Н. П. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. М., 1960, стр. 154—164.

⁶ Журнал выходил с перерывом с сентября 1789 г. по декабрь 1791 г., вышло 24 номера.

местных авторов, подавляющее большинство которых состояло из разночинной интеллигенции.

Большую роль в создании журнала, как известно, сыграл находившийся здесь в ссылке Панкратий Сумароков, впучатый племянник А. П. Сумарокова, литератор-профессионал, известный в столичных литературных кругах. Без П. Сумарокова невозможно представить себе журнала «Иртыш», но нельзя также считать его чуть ли не единственным организатором и руководителем этого журнала, как это повествует традиция. Начало этой традиции положил сын П. Сумарокова Павел, написавший биографию отца для переиздания его сочинений (1832 г.). При всех бесспорных заслугах П. Сумарокова в создании первого сибирского журнала, не он определил его ярко выраженное просветительское, антикрепостническое по существу направление. По своим взглядам П. Сумароков не был самым передовым человеком среди авторов, его едва ли можно поставить в ряд с такой фигурой, как просвещенный дворянин И. И. Бахтин, выступивший в это время в журнале с острыми антикрепостническими баснями и эпиграммами.

Для П. Сумарокова было характерно стремление к развлекательству, к анекдоту, к привлечению читателя всякого рода полезными советами и рецептами по домоводству и на всякие случаи жизни. «Анекдоты, шутки, острые слова лились у него рекой, и каждый слушал его с удовольствием. Происшествие, ничего не значащее, случай самый простой он умел сделать занимательным, рассказать о нем приятно, во всем мастерски отыскать смешную сторону и выставлять ее самым забавным образом», — писал о П. Сумарокове его сын⁷. Журнал «Библиотека учения», который выходил после «Иртыша» и на который П. Сумароков имел большое влияние — он его не только редактировал, но и сам издавал, — сразу потерял свой просветительский характер и стал кладезем всяких занятных сведений «в пользу и удовольствие всякого звания читателей». В 1802 г. П. Сумароков стал редактором московского «Журнала приятного любопытного и забавного чтения», содержание которого ясно выражено в самом его названии, а впоследствии совсем оставил журналистскую деятельность и занялся составлением полезных справочников вроде «Источник здоровья, или Словарь всех употребляемых снедей, приправ и напитков из трех царств природы» (1808 г.) или «Способ быть здоровым, долговечным и богатым» (1809—1810 гг.). Что касается его просветительских убеждений, то он скоро от них вовсе отрекся.

Таким образом, полагать, что просветительское направление журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» было делом П. Сумарокова, едва ли возможно. С гораздо большим основанием следует считать, что средой, питавшей его направление, было разночинное большинство авторского коллектива журнала. Открытие училища и появление в Тобольске большой группы разночинной интеллигенции совпало с 1789 г. Нетрудно себе представить, что для этих образованных разночинцев такой факт, как начало французской революции, не мог пройти незамеченным и не мог не вызвать среди них подъема. Естественным выражением этого общественного подъема и явилось издание журнала. Как литераторы они не могли тягаться с представителями столичной образованности вроде П. Сумарокова или И. Бахтина. В своем сатирическом «Сновидении»⁸ Т. Воскресенский изобразил своих товарищей в роли страстных прозелитов, которые одержимы жаждой славы и все тчатся стать пиитами, не имея для этого ни знаний, ни таланта. Но это были энтузиасты,

⁷ Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб., 1832, стр. XXX—XXXI

⁸ «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», октябрь 1789 г.

работавшие без всякого вознаграждения, проповедовавшие демократические идеи, создававшие идейную атмосферу журнала; они играли свою роль не столько как авторы (доля оригинальных произведений в журнале была сравнительно невелика), сколько как переводчики; они заполняли страницы журнала переводами. Это были чаще всего переводы с французского; с других языков, как правило, переводились сочинения, содержавшие «французские» идеи. Следует заметить, что эта обычная традиция (переводами тогда зачастую заполнялись и столичные журналы) в данном случае представляла большое удобство — она давала возможность вести пропаганду идей Просвещения устами иностранных авторов.

Еще большее значение для утверждения демократических идей в журнале «Иртыш» имело одно знаменательное обстоятельство: в 1791 г., т. е. в то время, когда выходил этот журнал, свыше семи месяцев провел в Тобольске А. Н. Радищев, задержавшийся здесь по пути следования в илимскую ссылку. Догадки о непосредственном влиянии Радищева на «Иртыш» возникли уже давно⁹. Вопрос еще требует дальнейшего исследования. Маловероятно, чтобы осужденный Радищев лично участвовал в журнале, но едва ли можно сомневаться в том, что его пребывание в Тобольске имело большое влияние на довольно многочисленный кружок разночинной интеллигенции. В этой среде идеи Радищева не могли не иметь самого живого отклика. Не исключено, что и прекращение «Иртыша» было вызвано идейной близостью к нему Радищева.

Подъем среди интеллигенции Тобольска — кстати сказать, игравшего в то время роль культурной столицы Сибири — вызвал несомненный отклик среди тобольского купечества. Идея издания собственного журнала приводила к необходимости организации своей типографии, и такая типография была создана¹⁰. Ее владельцы купцы Корнильевы представляли собой колоритные фигуры просвещенных купцов того времени. Основатель типографии Василий Корнильев (прадед Д. И. Менделеева) пожертвовал 5 тыс. руб. на постройку здания Тобольского народного училища, первые четыре номера «Иртыша» он отпечатал «безвозмездно из благотворительности».

Печатаая в своей типографии «Иртыш», сын В. Корнильева Дмитрий выступил инициатором нового издания, носившего название «Исторический журнал, или Собрание из разных книг, известий, увеселительных повестей и анекдотов». В сущности, это вовсе не журнал, а сборник исторических статей. В кратком вступлении к нему Д. Корнильев писал: «Имея свободное время, будучи ничем иным, кроме коммерции, не занят, за долг себе поставил выбрать из разных исторических и географических книг краткие любопытства заслуживающие известия, как-то: о Сибири Камчатке, Америке, азиатских народах»¹¹. Материалы по зарубежной истории в сборнике весьма скудны, они состоят из запыленных историй из жизни Карла V, Иосифа II, описания коронации французских королей в Реймсе. Подавляющее число статей посвящено истории и географии Сибири. И в этом, видимо, кроется причина появления в свет этой книги. В отличие от ярославского «Уединенного пошехонца», печатавшего обильные материалы по истории своего края, «Иртыш» ничего не печатал не только по истории Сибири, но и по истории России вообще. По всему вероятно,

⁹ См. П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 538—539.

¹⁰ Она просуществовала до известного указа Екатерины II от 16 сентября 1796 г., вызванного делом А. Н. Радищева и Н. И. Новикова; по этому указу закрывались все частные типографии.

¹¹ Вступление нумерации страниц не имеет. Издание имеется в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

купец Дмитрий Корнильев, патриот Сибири, пытался изданием своего «журнала» восполнить этот пробел и решал этот вопрос в сугубо краеведческом плане.

Однако сил тобольских разночинцев, ссыльных и купцов еще было недостаточно, чтобы издавать журнал. Пробить толщю бюрократизма и получить разрешение на издание журнала в дни, когда уже началась французская революция, было по плечу только людям более влиятельным. И такие люди нашлись. Издание журнала поддерживал местный прокурор И. И. Бахтин, ставший затем деятельным автором «Иртыша». Тобольский служитель Фемиды, будущий харьковский губернатор, человек, обладавший несомненным литературным дарованием, Иван Бахтин пережил изрядную эволюцию. «Я постепенно из величайшего вольнодумца, каковым был в молодости, стал христианином»¹², — писал он впоследствии, подводя итог своей литературной деятельности. Бахтин сам определил этапы этой эволюции: «В тридцать же два года, в тридцать шесть, даже в сорок я еще был вольтерист, и Орлеанская девица была карманная моя книжка»¹³. В год основания «Иртыша» Бахтину было 33 года, иначе говоря, это был тот период, когда он еще был «величайший вольнодумец», как он сам в том признавался. В бытность свою харьковским губернатором он стеснялся своего творчества, а в 1816 г., издавая в Петербурге книжку своих стихов, 60-летний Бахтин уже откровенно подтрунивал над своей литературной деятельностью как увлечением молодости. Но даже из этих порою саркастических тирад можно видеть, как серьезно относился Бахтин к своему творчеству, каким взыскательным он был к самому себе. Он пишет о годах своей службы в Тобольске: «Я увидел, что многие мои сочинения в стихах никуда не годятся, что некоторые ни то ни се, а малая часть из них такова, что, исправляя в них ошибки, натяжки, несвойственные выражения и прочее тому подобное, можно напечатать. Я то и исполнил в одном журнале, называемом „Иртыш, превращающийся в Ипокрену“»¹⁴. Отсюда следует, что свои стихи против крепостничества, которые он поместил в «Иртыше», автор считал самым лучшим из всего, что было им создано к тому времени.

Но главной силой из властей придерживавших, без которой «Иртыш» не мог бы появиться на свет, был тобольский наместник А. В. Алябьев (отец композитора А. А. Алябьева). Следует учитывать, что антипросветительская реакция распространялась в России неравномерно; в отдаленных наместничествах и губерниях она могла и не сказываться с той неумолимостью, как в центре. Многое зависело от местного вершителя судеб. Меценатствующий наместник или губернатор мог оказаться покровителем муз и Просвещения. В Тобольске это сказалось чрезвычайно ярко. А. В. Алябьев, родовитый барин века Просвещения, наместник и будущий сенатор, принадлежал в то же время к тем людям, для которых идеи Просвещения не были простой модой, как это было свойственно большинству дворянства. Он был женат на близкой родственнице просветителя-демократа Н. И. Новикова, и эти родственные связи, видимо, также не прошли для него бесследно: рискуя навлечь на себя царский гнев, Алябьев не побоялся обласкать А. Н. Радищева. Алябьев был создателем первого общественного театра в Тобольске. Издание журнала, таким образом, не было для него чуждым делом, тем более что речь шла о престиже его наместничества. Добившись издания «Иртыша», наместник предписал всем комендантам, городничим и капитан-исправникам подведомственной ему территории

¹² «Вдохновенные идеи. Из сочинений Ивана Бахтина». СПб., 1816. стр. 22.

¹³ Там же, стр. 11.

¹⁴ «И я автор или Разные мелкие стихотворения Ивана Бахтина», СПб., 1816 К читателю. (Это вступление не имеет нумерованных страниц.)

незамедлительно подписаться на журнал и понудить к тому своих подчиненных. С просьбой о подписке он обратился также и в соседние наместничества. Под влиянием администрации даже тобольская духовная цензура, через которую проходил «Иртыш», не усмотрела на его страницах никакой крамолы.

Так родился на свет первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Условия его возникновения дают совершенно отчетливый ответ на вопрос, который неотступно преследует нас при чтении этого журнала: как могло статься, что к концу екатерининского царствования, в годы французской революции, в России писалось подобное? Но тогдашняя обстановка в этом отдаленном краю не только объясняет причину его появления, но и дает ответ на вопрос, почему он просуществовал так мало. Его направление, несозвучное с политическим курсом правительства, определило и его судьбу. В Тобольске легче было создать такой журнал, чем найти ему читателя. Обращает на себя внимание характерное обстоятельство: местное дворянство фактически бойкотировало журнал, его подписчиками были отчасти кушцы, но главным образом чиновники, которых заставляли подписываться на него. Но сибирское чиновничество, чрезвычайно чуткое, как и везде, к правительственному курсу, к тому же малочисленное и невежественное, не могло служить надежной читательской базой. При тираже в 300 экземпляров «Иртыш» с самого начала имел всего 186 подписчиков, число которых к концу существования журнала сократилось до 106. Тираж залеживался на складе, издание приносило убытки. Его издатели зачасгую рассылали номера журнала по адресам состоятельных людей без ведома последних. Взыскивать плату с таких подневольных подписчиков иногда приходилось при помощи суда. Некоторые судебные дела тянулись потом по нескольку лет — ответчики успевали переменить место жительства или даже умереть. Особенно трудным оказалось взыскание недоимок с унорствовавших наследников умершего архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама; дело это тянулось до 1811 г. Неразошедшиеся номера журнала раздавались «в предотвращение мышеядья» в течение десяти лет отличившимся ученикам Тобольского народного училища. Так в век Просвещения закончилась деятельность русского просветительного журнала в далекой крепостнической Сибири.

* * *

За все время своего существования «Иртыш» не обронил ни слова в хулу французской революции. В годы, когда в России полагалось поносить революцию, такое поведение журнала было равносильно ее признанию. Больше того, «Иртыш» отваживался пропагандировать ее идеи. Делалось это подчас довольно недвусмысленно, хотя в целом журнал старался соблюсти вполне благонамеренный тон. Главный огонь был сосредоточен против крепостного права. Учитель народного училища В. Прудковский в статье «Нечто, к состоянию людей относящееся»¹⁵ рпсует современное ему общество как общество несправедливое: «Знать надобно, что вольность вообще берется за такое состояние, в котором побуждение действий от собственного зависит произволу. Рабство же приемлется за состояние располагать делами своими по воле других. Способы, которые по воле других повелевают располагать своими действиями, суть двух родов. Одни естественные, как-то: кандалы, стража и проч.; другие же нравственные, как-то: обязательство, законы и проч.»¹⁶. Подобное положение в обществе про-

¹⁵ «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», апрель 1791 г.

¹⁶ Там же, стр. 41—42.

тиворечит природе человека, ибо «что касается природы, то она всех произвела вольными»¹⁷. Противоречие это возникло потому, что при помощи войны и насилия одна группа людей нарушила естественное право. Автор подводил читателя к выводу, что это нарушение, учиненное при помощи войны, может быть исправлено также путем войны, потому что если «терруется естественное право взаимного употребления, происходит другое состояние, которое войной называется, в котором будучи, не иначе благополучие свое устраивать можно, как только силою. В таком состоянии иногда находиться приходится в ту пору, когда при праве своем не иначе можно остаться, как только поднятием оружия»¹⁸. Правда, борьба оружием не есть нормальное состояние людей, но природа, «в недостатке выгоднейших средств благоволила к оному иметь прибежище»¹⁹. Надо было иметь немалое мужество, чтобы проповедовать подобные идеи под свежим впечатлением катастрофы Радищева.

Мысль о природном равенстве людей повторялась журналом весьма настойчиво. Мы находим ее даже в таком, казалось бы, не совсем подходящем для этой цели литературном жанре, как надгробная речь учителя Иркутского главного народного училища С. Белшева на похоронах иркутского наместника генерала М. Арсеньева. В этой речи, которую журнал не преминул поместить на своих страницах, оратор подчеркивал: «Похвала знатных людей обыкновенно начинается хвалою его предков. Как будто бы великий человек имел нужду в знатном происхождении, и будто бы малая душа могла быть возвышена достоинством, не ей принадлежащим»²⁰.

Не подлежит сомнению, что проблема естественного права была одним из главных критериев при отборе материалов для переводов с иностранного языка. Примером может служить перевод сочинения лорда Каймеса «О влиянии климатов, средств пищи, правления, нравов и обычаев на национальные характеры человеческие» (перевод был сделан с немецкого). Концепция английского автора представляла собой пеструю смесь идей физиократов, Монтескье, но больше всего он развивает теорию естественного права как теорию антифеодальную. Автор настаивает, что не знатное происхождение, а лишь таланты должны составлять достоинство человека: «Доброго поведения и хороших качеств человек, хотя и низкой породы, может всегда равное почтение иметь со знатным дворянином благородного поведения. Кто может погнушаться Кеплером, Невтоном и Роллином, что они не имели дипломов дворянства предков их? Или при чтении Сократа и Эзопа кто может мерзить дурнотою телесного вида их?»²¹.

Но не только происхождение, а и служебное положение человека еще не говорит о его достоинствах. Поэтому часто можно найти «ученого в купце, министра в богослове, а воина в политике, и напротив, в генерале видим мы иногда механического солдата... а в сем присутствии духа, доброе расположение и здравый рассудок, которые необходимо нужно иметь генералу. В древности имеем мы много примеров, что предводители разбойничьих шайк престолами овладели, как-то Ромул и Кулыхан, а в новейшее время Кромвеля, произшедшего из низкой породы, и проч. То же самое можно сказать и о великих изобретениях, как-то: делание пороха монахом, а книгопечатание солдатом и многих других, о коих бы упоминать здесь весьма пространно было»²².

¹⁷ Там же, стр. 44.

¹⁸ Там же, стр. 39.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Иртыш...», июнь 1791 г., стр. 59.

²¹ «Иртыш...», август 1791 г., стр. 4.

²² Там же, стр. 18—19.

Таким образом, люди равны по природе, но путь к такому равенству прегражден знатностью и связанной с ней роскошью. Если это препятствие не будет устранено, то вырождение ждет человечество. Вырождается *дворянство*, ибо знатные господа «при праздности и неумеренном вкушении прелестных вещей делаются... неспособными детей рождать, а хотя и рожают, но весьма немощных детей»²³. Тем более вырождается *крестьянство*. «Строгое рабство и чрезмерная работа суть также препятствия размножению народа, ибо бедный поселянин, который, не имея времени для своих работ и больше помещику своему работать должен, теряет напоследок всю охоту и силу свою и приходит в изнеможение и нерадение к себе»²⁴. Барство и роскошь вредны еще и потому, что отвлекают людей от производительного труда. Массы народа составляют многочисленные господские дворни; эти люди «были бы полезнее в деревне для хлебопашества, от коего они в таком случае навек отлучены»²⁵.

Заслуживает внимания тот факт, что, говоря о природном равенстве людей, журнал имел в виду и женщин. В «Письме туринскому купцу»²⁶ анонимный русский автор хвалит купца за стремление дать дочерям образование, благодаря чему они могут стоять наравне с юношами. В переводном труде «О странном и непристойном поведении и о воспитании людей яко главной причине оного» лорда Гравина автор возмущен тем, что сами женщины не ведут борьбы за свое равноправие. «Разум не разбирает пола, — доказывает он, — а сего не можно довольно изъяснить женщинам, что они равные способности к наукам с мужчинами имеют и столько же распространять круг своих познаний, как оны»²⁷.

Это антикрепостническое острие выплывает и из многих произведений литературного отдела «Иртыша». Наиболее удобным оружием для метания стрел в крепостников была басня, притча, сказка, эпиграмма, эпитафия. И. Бахтин писал не для того, «чтоб желчь излить», а для того, чтобы исправить действительность при помощи законов Екатерины, которая аттестовалась «выше всех Ликургов, Марков, Титов». Но в произведениях Бахтина было изрядно желчи. В одной из своих сатир он писал о дворянах:

Вы вместо, чтобы быть подвластным вам отцам,
Над ними злобствуя, как волки над овцами,
Преобразили в их мучителей себя.
Я ж истину, равно и смертных род любя,
О слабостях людских хоть молча сожалею,
А видя страждущих, молчать уж не умею²⁸.

Этому же сюжету о злобном барине-волке он посвятил и свою притчу «Господин и крестьянка». Крепостная мать пугала плакавшего ребенка:

Не плачь, не плачь, дурак,
Боярин вон идет, он съест тебя живого.

На окрик барина, который все это слышал, крестьянка призналась:

Родимый мой, прости ты глупости моей.
У нас издавна так, ребят как унижаем,
То милостью твоей
Иль волком их пугаем²⁹.

²³ «Иртыш», август 1791 г., стр. 9—10.

²⁴ Там же, стр. 10.

²⁵ Там же, стр. 11.

²⁶ «Иртыш..», май 1791 г.

²⁷ «Иртыш..», сентябрь, 1791 г., стр. 19.

²⁸ «Иртыш..», январь 1790 г., стр. 17.

²⁹ «Иртыш..», сентябрь 1789 г., стр. 25.

К этой же теме обращается и П. Сумароков. В притче «Соловей, попугай, кошка и медведь» рассказывается, как эти представители пернатых и животных рассуждали о человеке. Всяк судил на свой манер: медведь считал, что человеку нужно быть хищником, а на зиму заваливаться в берлогу и сосать жир из лапы. По поводу медвежьих рассуждений автор замечает:

Погибни ты, медведь, с благим твоим советом
И так уж многие по твоему живут,
Лишь тем страшней тебя, что жир чужой сосут³⁰.

В журнале не раз подчеркивается мысль, что над крепостным человеком господствует произвол барина. Одна из эпиграмм Бахтина содержит такие строки:

Как будто за разбой, вчерашнего дня, Фрол,
Боярин твой тебя порол,
Но ништо, плут, тебе! Ведь сек он не без дела:
Ты чашку чая нес, а муха в чай влетела³¹.

«Иртыш» настойчиво указывал, что крепостничество есть барское ту-неядство. Из французского революционного «Правительственного вестника» журнал приводил следующие слова о паразитическом существовании дворян и монахов: «Жить без труда есть зло государственное; того ради политики порицают монахов тем, что они живут в своих затворах праздно. Но господа статские правители, прошу вас ответствовать мне! Благородные и надзиратели ваши в каких трудах упражняются? Ездят за охотою, едят, пьют, рыскают по полям и празднствуют. Следовательно, монахи трудятся более — ибо поют»³². О паразитизме дворян писал и Бахтин. В его эпитафии, которая не появлялась в «Иртыше», но была написана тоже в «вольнодумский» период, читаем:

Дворянского коня вчера зарыли здесь,
Который проводил в работе век свой весь.
Свой век же в праздности провел его хозяин.
Полезней свету был кто: конь или боярин?³³

Не было обойдено в журнале и чиновничество. В басне «Змея-любимец» Бахтин зло высмеял чиновничье угодничество перед начальством. Ведя разговор с лисой, медведь сетовал, что зря-де лев произвел в любимцы ничемную змею:

Но что бы не избрать ему на то слона?
Тот ростом больше всех, притом и тверже силой.
Ах! Как же прост ты, кум мой милый,—
Сказала тут кума.—
Любимцем быть у льва слон дару не имеет:
Он ползать не умеет³⁴.

Наибольших высот сатира «Иртыша» достигает в анонимной басне «Волк-судья», где рисуется отвратительная фигура представителя тогдашнего правосудия:

³⁰ «Иртыш. », февраль 1790 г., стр. 44.

³¹ «Иртыш ..», сентябрь 1789 г., стр. 16—17.

³² «Иртыш. », июль 1791 г., стр. 46.

³³ «И я автор, или Разные мелкие стихотворения Ивана Бахтина», СПб., 1816, стр. 38—39.

³⁴ «Иртыш ..», август 1791 г., стр. 31—32.

Случилось быть судьей дел уголовных волку.
 Он к волчьей злобе был безграмотен и глуп,
 И мерзок харею, и как обух был туп.
 Какому быть в том толку?
 Однакож за сукно, пыхтя, он в кресло сел,
 Оскалив кровию запекшиеся зубы,
 Которых долготу закрыть не могут губы.
 И брюхо вытуля, он страшно заревел:
 Насилу я дорвался,
 Чего так домогаюся?
 Могу губить я смертных род...
 Достойны все, достойны смерти
 Мужья, и жены их, и дети
 За то, что не спросясь меня
 Дерзают жить на свете!

Этот губитель человеческого рода вдвойне опасен потому, что он — жестокий гонитель просвещения, которое, по мысли автора, является главным условием освобождения народа:

...я знание презирал
 И всегда считал
 Науку для умов высоких вещь мерзкой,
 За яд опаснейший и за прескучный сброд.
 Но тихий, прежний наш довольный всем народ,
 Наукой превратясь в бунтующий и дерзкий,
 Не хочет титулом премудрого судьи
 Никак меня почтить. Пожалуй, посуди! ³⁵

«Иртыш» не пощадил даже царей. Для этого были использованы сочинения Вольтера. В журнале были помещены переводы нескольких вольтеровских работ — отрывки из «Разговоров о человеке» ³⁶, «Песнь Иоанна Плокофа, советника Гольштинского» ³⁷ и «Речь архиерея Николая Харистенского, говоренная в церкви некоторой литовской деревни в день воспоминания звезды, показавшей путь волхвам к месту рождения Христава» ³⁸. На этом примере можно видеть все значение переводов того времени — словами иностранцев можно было сказать то, что своими словами русские авторы сказать не решились бы. В архиерейской проповеди по поводу вифлсемской звезды читатель находил следующее: «Ежели где обретается в свете золото, цари везде оснаживать тщатся друг у друга право на оное; обагрят землю кровью для обогащения себя; напоследок возжигают курения через собратий монахов, кои дерзают утверждать перед ними, что они на земле суть подобия живого бога» ³⁹. Отрицательное отношение не только к монархам, но и к монархии как к форме правления вообще было ясно высказано в английском сочинении «О влиянии климатов...», о котором шла речь выше. Внутреннее достоинство человека автор ставил в зависимость не только от природных талантов, но и от формы правления. Он явно предпочитает республику монархии, ибо в республике человеческие характеры «более предприимчивые, нежели в монархическом правлении, потому что вольностью духа к тому поощряемы» ⁴⁰. Народы, знавшие свободу, но затем попавшие под гнет деспотизма, начинали терять свои

³⁵ «Иртыш.», март 1790 г., стр. 14—15.

³⁶ «Иртыш.», сентябрь 1789 г.

³⁷ «Иртыш...», июнь 1790 г.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 51—52.

⁴⁰ Там же, стр. 4.

гражданские доблести: «Греки, кои прежде сего великую роль в свете играли и коих науки и художества еще поныне у нас образцом служат, как они упали?»⁴¹.

Доставалось кое-что и на долю церкви. Но здесь мы встречаемся с неожиданным документом, вызывающим недоумение. Это переведенное из французского «Политического вестника» письмо воинствующего католика против конфискации церковных имуществ революционными властями. В аннотированном библиографическом справочнике, вынужденном в 1959 г., мы читаем: «Вместе с тем в журнале публиковался материал, противоречащий прогрессивным тенденциям; так, например, было напечатано переведенное с французского письмо, написанное в защиту духовенства революционной Франции»⁴². Это письмо действительно стоит в резком противоречии со всем направлением журнала, но едва ли это можно поставить в вину самому журналу. Вряд ли этот документ появился на страницах «Иртыша» по инициативе его сотрудников. Вполне вероятно, что он был навязан извне, скорее всего Тобольской управой благочиния, через цензуру которой проходил журнал. Что против этого письма со стороны журнала велась борьба, об этом говорит вступление, которое было предпослано публикуемому письму. Если само письмо исполнено благочестивого негодования, то вступление настраивает читателя на совершенно иной лад. «Государственных во Франции сановников предпринятое намерение в рассуждении уничтожения монастырей причинило в царстве мертвых великое волнение, — так начинается это вступление, — все святые строители монастырей и поборники благочестия... не менее оскорблены. Святой Эммарам, яко природный француз, оказуя всегда горячую ревность служащим алтарю, вознамерился следующее начертать к оным чинам письмо»⁴³. Такое же настроение создает перевод и другого документа — богословского трактата «Ответ на то, какое время года было тогда в раю и у нас, когда создан свет». Путем сложнейших заумных рассуждений автор приходит к выводу, что мир был сотворен в марте. Это ироническое отношение к церковным проблемам хорошо дополняет характеристику монахов как туннелдцев, а католической церкви как царства мертвых.

Такова критика современной ему действительности, проводившаяся «Иртышом». Но выступая с этой критикой, журнал вместе с тем выдвигает и свою собственную программу. Коротко она может быть сформулирована так: распространение просвещения, развитие торговли и промышленности. Все эти три элемента в глазах сотрудников журнала были тесно связаны между собой. Учителя Тобольского народного училища — они же деятельные авторы «Иртыша» — в своих речах, обращенных к ученикам, не уставали выдвигать эти задачи. Учитель Иван Лафинов доказывал, что, пожав плоды просвещения, юноша «никогда не будет суеверный судья многих явлений, в заблуждение непросвещенные умы приводящих... Известно будет кушцу, где с выгодой отправлять можно торговлю произведениями своего отечества и где находить потребные для оного вещи»⁴⁴. Тимофей Воскресенский полагал, что науки должны послужить тому, чтобы Россия «вознеслась на возможнейшую высоту совершенства, принесла сладчайшие плоды последующим поколениям и явила себя в полном великолепии ко удивлению целого света»⁴⁵. Он ратует за точные науки как «нужнейшие и полезнейшие в общежитии», он убежден, что «все художества, все рукоделия, столь для нас нужные упражнения имеют все

⁴¹ Там же, стр. 5.

⁴² «Русская периодическая печать (1702—1894)», М., 1959, стр. 79.

⁴³ «Иртыш...», июль 1791 г., стр. 47.

⁴⁴ Там же, стр. 2.

⁴⁵ Там же, стр. 22.

основания на математических, физических, механических и прочих науках»⁴⁶. Уже в своем первом номере, наряду с переводом из Вольтера, журнал поместил перевод из Ньютоновой философии «Каким образом познаем мы расстояние, величины, виды и положения предметов». Из номера в номер долго тянулся целый трактат «О полезных науках, художествах у древних писателей», представляющий обширную сводку по истории открытий и изобретений начиная со времен античности. В ряде номеров печатался перевод немецкого сочинения «Решение на вопрос, как выгоднее на медеплавильных заводах проплавливать медные руды». Интерес к промышленным сюжетам тем более понятен, что в этом сказывалась близость Тобольска к Уралу.

Ссылаясь на Кондорсе, журнал настаивает на той мысли, что развитие наук зависит от государей, и приводит в пример деятельность Петра I и Екатерины II. Трудно сомневаться, что журнал ставил своей задачей побудить правительство Екатерины к развитию наук и «рукоделий». «Иртыш» выходил, имея на титульном листе эниграф, взятый из «Фелицы» Г. Р. Державина:

Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.

Заслуживает внимания отношение журнала к проблемам истории (речь шла только о западной истории, поскольку русскую историю журнал не затрагивал). В журнале был помещен перевод целого немецкого хандбуха «Краткие исторические известия о различных происшествиях древних и новых времен касательно происхождения народов, их исповеданий, законов, обычаев, наук, нравов и прочих примечания достойных вещей». Книга содержала мешанину из библейской традиции, крайнего идеализма и немецкого шовинизма. Но к этому неожиданным образом примешивались идеи Просвещения, что, видимо, и привлекло сибирских просветителей. Речь шла об оценке средних веков как эпохи засилья схоластиков и дворян. Господство первых привело к тому, что во времена средневековья «разум человеческий был запущен и в величайшее невежество погружен»⁴⁷, а господство дворян выродилось «в систему угнетения, ибо несправедливое присвоение от дворянства сделалось весьма несносным; они принуждали большую часть народа в состояние действительного рабства, лишая их всех естественных прав человечества и почитая невольниками, кои для них землю орать должны, с коею и продаваемы были»⁴⁸.

Господству феодализма в средневековой деревне противопоставляются города, выступавшие в союзе с монархами. «Государи строжайше смотрели долго с беспокойством на сию присвоенную власть дворянства, рассуждая, что человеки от природы свободны суть, и вознамерились свободу их защищать. Сего ради за благо рассуждено было возрастающей силе дворянства равновесие предположить... и сделан был план, чтобы новый чин общества учредить и жителей в города населить. Сим жителям великие вольности даны были и от всякого рабства свободными učinены... Сия полученная свобода сделала такую счастливую перемену в состоянии человеческом, что они из сна недейтельности возбудились и ободрились, в который печальным состоянием своим были погружены»⁴⁹. Иными словами, здесь нашла отражение антифеодальная, романистическая традиция, бытовавшая во французской историографии накануне революции (ее

⁴⁶ «Иртыш», июль 1791 г., стр. 22.

⁴⁷ «Иртыш», июнь 1790 г., стр. 19.

⁴⁸ Там же, стр. 20.

⁴⁹ Там же, стр. 20—21.

наиболее характерным представителем был аббат Дюбо), которая затем, в годы Реставрации, выросла в знаменитую концепцию Тьерри и Гизо.

Но наибольший историографический интерес представляет высказанный в «Иртыше» взгляд на задачи истории. Чтобы видеть отличие этого взгляда от всего, что тогда проповедовалось на этот счет, следует сравнить его с соответствующими высказываниями других русских провинциальных журналов того времени. «Уединенный пошехонец», выражавший мысли дворянства, настойчиво полагал, что история есть «жизнь монархов, героев, перемены правления, нравы и дела»⁵⁰. Главное место в истории, по мнению «Уединенного пошехонца», занимают монархи и герои, о которых говорится прежде всего как о людях, «имеющих начальство над народом». Один из анонимных авторов этого журнала видит заслуги Корнелия Непота, Светония и Плутарха прежде всего в том, что писали о героях. Ярославский автор, вслед за Плутархом, высоко ставит его героев. Но стоит только кому-нибудь из героев проявить хоть малейшую симпатию к народу, на его голову немедленно обрушиваются гневные филиппики «Пошехонца». Так, Перикл именуется «обезоруженным тираном», а братья Гракхи аттестованы как «духи, всегда беспокойные, честолюбивые и способные производить народных тиранов»⁵¹.

Свое понимание истории «Уединенный пошехонец» старался утвердить на теоретическом основании, которым оказалась некая «истинная и легчайшая философия». Суть философии сей сводилась к следующему: «Первое, знать бога и почитать его источником всех благ; второе... довольствоваться имеемым, не завидуя о том, чего не имеем»⁵². В назидание неумущим разъяснялось: «Имение, богатство, честь и прочее сему подобное не от нас, а от случая зависит. В рассуждении чего и человек... в житии своем должен поставить себе за правило и от невозможного стараться рассуждением удалять свои покусения, ибо душевное спокойствие, следовательно, и благополучная жизнь зависит от сего пункта»⁵³. При подобной философии вся история неизбежно становится повествованием о «монархах и героях», иначе говоря, о людях, коим случай предоставил «имение, богатство, честь и прочее сему подобное».

Другой журнал — «Библиотека ученая», который считается прямым продолжением «Иртыша», но который в действительности сильно от него отличался более умеренным направлением, тоже давал свое определение истории. История зачисляется в разряд «художеств» наряду с поэзией, красноречием, живописью, скульптурой, музыкой и архитектурой. Отличие истории от своей ближайшей «соседки» поэзии состоит в том, что «первая ищет только научить и употребить на то простой и ровный слог. Стихотворство же, имея целью токмо то, чтобы нравиться и поражать воображение, употреблять в сем намерении все то, что чувства имеют блистательнейшего»⁵⁴. Что касается *содержания* истории, то журнал ограничивается только глухим указанием, что история должна повествовать «токмо о всенародных происшествиях». Исходя из требования «простого и ровного слога» и обязанности повествовать о «достопамятных» деяниях, журнал дает историю исторического «искусства» в древности начиная от... Моисея, который был «первым порядочным историком», и кончая Титом Ливием, с которым «никто не может сравниться... в том приятном и убедительном витийстве, которое преклоняет все сердца»⁵⁵.

⁵⁰ «Уединенный пошехонец», март 1786 г., стр. 193.

⁵¹ «Уединенный пошехонец», октябрь 1786 г., стр. 616.

⁵² «Уединенный пошехонец», март 1786 г., стр. 197.

⁵³ Там же, стр. 196.

⁵⁴ «Библиотека ученая...», 1793, ч. VI, стр. 9.

⁵⁵ Там же, стр. 6.

Совсем иначе смотрит на историю «Иртыш». Он отвечает на вопрос о том, что такое история, словами иностранного автора, поместив перевод французского сочинения «Иаков, анекдот исторический, писанный об одной знатной госпоже». Здесь подвергается ожесточенной критике господствовавшая традиция изображать историю как смену царствований, где ничего не говорится о простом народе. Автор ожидает, что его взгляд покажется парадоксальным, но он дерзает почесть свой взгляд за «ощутительнейшую истину». «В самом деле, какие картины дают нам летописи рода человеческого? Преступления, почти всегда увенчанные счастливым последствием, добродетель, униженную и попранную ногами, невинность, воздыхающую без подпорок и протягивающую свою выю под меч несправедливости, поддерживаемый силой»⁵⁶.

Если уж писать о деятельности исторических личностей, то следует из этого выбирать «историю великих мужей, благодетелей человечества... и если бы необходимо случилось упомянуть о тиране и опустошителе земли, то выбрать бы из тех, кои получили за то достойное наказание, и чтоб они служили нам страхом и омерзением в делах их»⁵⁷. Но это еще не решает задачи в целом, ибо история даже добродетельных монархов не нужна для большинства народа, для простых людей, кои «не в состоянии суть простирать зрение свое на знатные примеры монархов, князей и проч.»⁵⁸. Чтобы избавить простой народ от такой «неприличности», следует написать «для нижнего состояния собрание историческое, которое заключало бы в себе изящные действия, учиненные некоторыми из подобных им»⁵⁹.

В качестве образца такой истории автор рассказал о «деяниях» простого баппачиника Иакова, который, чтобы спасти свою семью от голода, продавал медикам последнее, что он имел,— свою кровь. Этот подвиг бедняка, восклицает автор, пусть явится «гласом, вопиющим к затворенным ушам тех богатых уродов, кои, когда давятся (я не устыжусь употребить сие простое выражение) излишними и избыточными пищаами, попускают подобных себе человеков и целые семьи умирать с голоду»⁶⁰. Автор настойчиво зовет к созданию истории простого народа.

Такова мужественная речь ныне забытого передового русского журнала, звучавшая в ту глухую пору крепостничества. Просматривая его слежавшиеся страницы, современный читатель, потомок этих безвестных русских просветителей, будто слышит, как гром французской революции приглушенным и подчас искаженным эхом отдавался в далекой Сибири.

⁵⁶ «Иртыш...», июнь 1791 г., стр. 25—26.

⁵⁷ Там же, стр. 28—29.

⁵⁸ Там же, стр. 29.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 34.

Материалы к теме:

М.Штранге. Русское общество

и Великая французская революция

<http://enlightment2005.narod.ru/science/schtrange.pdf>

М.Штранге. Французская революция 1789-1794 годов

и разночинные слои русского общества

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/schtrange.pdf>

Великая французская революция и русская литература

/ Сб. науч. трудов (Л.: Наука. 1990)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p68490613.htm>